

Роль А.К. Казем-Бека в научном становлении Х. Фаизханова

д.ф. по теологии Дамир В. Мухетдинов

Московский исламский институт;
Москва, Российская Федерация
Санкт-Петербургский государственный университет,
Центр исламских исследований;
Институт восточных рукописей Российской академии наук
Санкт-Петербург, Российская Федерация
dmukhetdinov.science@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9647-243X>

Дата подачи статьи в редакцию: 30.10.2024

Дата подтверждения статьи к публикации: 04.12.2024

Резюме

Данная статья посвящена рассмотрению дискуссионных вопросов взаимоотношений Мухаммада Али Мирзы (Александра Касимовича) Казем-Бека (1802–1870) и Хусаина Фаизханова (1823–1866), к которым относится вопрос о времени начала их знакомства и вопрос о степени глубины их контактов. Известные источники, из которых можно извлечь какие-либо сведения об этом, ограничены и давно привлечены исследователями. В данной работе обращено особое внимание на архивные документы, представляющие собой рукописи, которые были переписаны Х. Фаизхановым в связи с его сотрудничеством с Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге. Также значительное внимание уделено вопросам хронологии казанского периода жизни Х. Фаизханова, которую можно реконструировать, исходя из совокупности всех данных. Обобщение материала позволяет опровергнуть некоторые выдвигавшиеся ранее предположения о роли Шихабутдина Марджани (1818–1889) в становлении контактов между М.А. Казембеком и Х. Фаизхановым, поскольку этот вариант не соответствует формальной хронологии в биографии каждого из упомянутых деятелей. Кроме того, имеющиеся сведения о взаимоотношениях М.А. Казембека с Х. Фаизхановым позволяют настаивать на предположении, что именно М.А. Казембек способствовал решению Х. Фаизханова на переезд из Казани в Санкт-Петербург с тем, чтобы начать сотрудничество с Императорской Академией наук, что, следовательно, также опровергает ранее

выдвигавшуюся гипотезу о том, что переезд Х. Фаизханова в столицу Российской империи был связан с предстоящим открытием Факультета восточных языков в Санкт-Петербургском Императорском университете.

Ключевые слова: история, история востоковедения, историография, Мирза Казем-Бек, Хусаин Фаизханов, Шихабутдин Марджани, хронология

Авторские права на статьи, опубликованные в нашем журнале, принадлежат авторам и публикуются в открытом доступе по лицензии CC-BY-NC.

The Role of A.K. Kazem-Bek in Academic Development of H. Faizkhanov

PhD. Damir V. Mukhetdinov

Moscow Islamic Institute

Moscow, Russia

St. Petersburg State University

Centre for Islamic Studies

Institute of Oriental Manuscript of the Russian Academy of Science

St. Petersburg, Russia

dmukhetdinov.science@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9647-243X>

Date of submission: 30.10.2024

Date of acceptance: 04.12.2024

Abstract

The controversial issues surrounding the relationship between Muhammad Ali Mirza (Aleksandr Kasimovich) Kazem-Bek (1802–1870) and Husain Faizkhanov (1823–1866), including the period of their acquaintance and the depth of their contacts, are the focus of this article. Researchers have long utilized the limited known sources to extract information about this relationship. In this paper, the author focuses primarily on archival documents, particularly the rewritten manuscripts by H. Faizkhanov during his collaboration with the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. The author also pays significant attention to reconstructing the chronology of H. Faizkhanov's life during the Kazan period using all available data. By looking at the information in a broader sense, we can disprove some ideas that had been put forward about the part Shihab a-Din Marjani

(1818–1889) played in putting M.A. Kazem-Bek and H. Faizkhanov in touch with each other, since this scenario doesn't fit with the formal timelines in the biographies of any of the people involved. In addition, the available information about M.A. Kazem-Bek's relationship with H. Faizkhanov supports the assumption that it was M.A. Kazem-Bek who contributed to H. Faizkhanov's decision to move from Kazan to St. Petersburg in order to start cooperation with the Imperial Academy of Sciences, which, therefore, also refutes the earlier hypothesis that H. Faizkhanov's move to the capital of the Russian Empire was connected with the forthcoming opening of the Faculty of Oriental Languages at the Imperial University of St. Petersburg.

Keywords: *History, History of Oriental studies, Historiography, Mirza Kazem-Bek, Husain Faizkhanov, Shihab al-Din Marjani, Chronology*

The copyright of the articles published in our journal belongs to the authors and is published as open access under CC-BY-NC license.

H. Faizxanovun elmi inkişafında A.Q. Kazimbəyovun rolu

i.f.d. Damir Muhetdinov

Moskva İslam İnstitutu;
Moskva, Rusiya Federasiyası
Sankt-Peterburq Dövlət Universiteti,
İslam Araşdırmaları Mərkəzi;
Rusiya Elmlər Akademiyasının Şərq Əlyazmaları İnstitutu
Sankt-Peterburq, Rusiya Federasiyası
dmukhetdinov.science@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9647-243X>

Daxilolma tarixi: 30.10.2024

Nəşrə təsdiq tarixi: 04.12.2024

Xülasə

Bu məqalə Məhəmməd Əli Mirzə (Aleksandr Qasimoviç) Kazimbəy (1802-1870) ilə Hüseyn Faizxanov (1823-1866) arasındakı münasibətlərin, tanışlığın və dərin əlaqələrin olması barədə mübahisəli məsələlərə həsr edilmişdir. Bu mövzuda hər hansı bir məlumat əldə edə biləcəyimiz məlum mənbələr məhduddur və tədqiqatçılar tərəfindən çoxdan istifadə edilmişdir. Bu araşdırmada H. Faizxanovun Sankt-Peterburq İmperator Elmlər Akademiyası ilə əməkdaşlığı zamanı yeni-

dən köçürdüyü əlyazmalar sayılan arxiv sənədlərinə xüsusi diqqət ayrılmışdır. Həmçinin, bütün məlumatların məcmusu əsasında H. Faizxanovun həyatına yenidən baxış məqsədilə onun həyatının Kazan dövrünün xronologiyasına da böyük diqqət yetirilmişdir. Araşdırmanın xülasəsi əsas verir ki, əvvəllər təqdim edilən M.Ə. Kazımbəy ilə H. Faizxanov arasında mövcud olan əlaqələrin qurulmasında Şıxabutdin Mərcaninin (1818–1889) rolu haqqında bəzi fərziyyələr təkzib edilsin. Ona görə ki, bu variant qeyd olunan şəxslərin hər birinin tərcümeyihəsinin formal xronologiyasına uyğun gəlmir. Bundan əlavə, M.Ə. Kazımbəy ilə H. Faizxanov arasında mövcud olan əlaqələr haqqında əldə olunan məlumatlar bizə fərziyyə etməyə imkan verir ki, məhz M.Ə. Kazımbəy H. Faizxanovun İmperator Elmlər Akademiyası ilə əməkdaşlığa başlamaq məqsədilə Kazandan Sankt-Peterburqa köçmək qərarına gəlməsinə öz töhfəsini vermişdir. Belə ki, bu da H. Faizxanovun gələcəkdə Sankt-Peterburq İmperator Universitetində Şərq dilləri fakültəsinin açılışı ilə bağlı Rusiya imperiyasının paytaxtına köçməsi barədə əvvəllər irəli sürülən fərziyyəni də təkzib edir.

Açar sözlər: *tarix, şərqşünaslıq tarixi, tarixşünaslıq, Mirzə Kazımbəy, Hüseyn Faizxanov, Şıxabutdin Mərcani, xronologiya*

Jurnalımızda dərc olunan məqalələrin müəllif hüquqları müəlliflərə məxsusdur və onlar CC-BY-NC lisenziyası ilə hər kəsə açıq şəkildə dərc olunur.

Введение

Мухаммад Али Мирза Казем-Бек (1802–1870), азербайджанец по происхождению, более известный под русским именем Александр Касимович Казембек (рис. 1), является крупнейшим востоковедом, сыгравшим значительную роль в становлении российской востоковедческой науки. Он считается основателем казанской школы востоковедения, а после переноса центра российского востоковедения в Санкт-Петербург, столицу Российской империи, именно он занял должность первого декана открытого в 1855 г. Факультета восточных языков Санкт-Петербургского императорского университета. А.К. Казембек известен и тем, что он очень радел за подготовку новых востоковедческих кадров (наиболее полную биографию см.: Рзаев, 1989). Именно в связи с этим заслуживает интереса история взаимоотношения А.К.Казембека с Хусаином Фаизхановым.

Рис. 1. М. А. Казем-бек (1802–1870). Худ. Ч. К. Гугкаев, 2022.
На основе гравюры 1845 года. Из коллекции ИД «Медина»

Хусаину Фаизханову (1823–1866) (рис. 2) не так повезло с тем, чтобы его имя осталось часто упоминаемым в истории российского востоковедения. Выходец из среды нижегородских татар, теолог по базовому образованию, он сумел в течение своей короткой жизни отметить себя как востоковед, преподаватель восточных языков, просветитель, основоположник реформы мусульманского образования в Российской империи (Усманов, 1980; Мухетдинов, 2014). Большинство его собственных трудов никогда не были опубликованы при его жизни и, оставшись в рукописях, длительное время вообще не были известны широкой общественности. Только в последние два десятилетия, с открытиями новых документов, становятся более ясными значение, глубина и масштабы его деятельности (Мухетдинов, 2023а; Мухетдинов, 2023b; Мухетдинов, 2023с; Мухетдинов, 2023d; Мухетдинов, 2023е).

Рис. 2. Хусаин Фаизханов (1823–866). Худ. Л. С. Хасьянова, 2017.
Из коллекции ИД «Медина»

Именно знакомство Х.Фаизханова в Казани, где он обучался в одном из местных медресе, с А.К.Казембеком во многом определило дальнейшее развитие его деятельности, в том числе оказало влияние на решение о переезде в Санкт-Петербург, где он смог полностью раскрыть свои способности.

Знакомство Х. Фаизханова и А.К. Казембека

Ранее в историографии фигура Х. Фаизханова уходила на второй план перед фигурой другого крупного деятеля в интеллектуальной жизни российских мусульман, Шихабутдина Марджани (1818–1889), с которым его связывали близкие и дружеские отношения. Обычно их принято рассматривать в двухполюсном формате «учитель–ученик», где первая позиция отдавалась Ш. Марджани по той причине, что Х. Фаизханов обучался в медресе Ш. Марджани, и этот же факт инерционно диктовал рассмотрение взаимоотношений двух деятелей с преобладанием влияния в них

Ш. Марджани. В частности, М.А. Усманов, ученый, который, фактически, выдернул фигуру Х. Фаизханова из забвения в XX в., утверждал, что именно Ш. Марджани в отношении Х. Фаизханова «стимулировал его контакты с представителями русской науки» (Усманов, 1980, 31). Он же последовательно отмечает опосредованное влияние Ш. Марджани на решение Х. Фаизханова отправиться в Санкт-Петербург (Усманов, 1980, 28, 31). Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что мысль о том, что именно Ш. Марджани познакомил Х. Фаизханова с казанскими востоковедами (в числе которых был А.К. Казембек) преподносится М.А. Усмановым лишь в качестве гипотезы, с определенной осторожностью (Усманов, 1980, 27), тогда как другими авторами об этом заявляется более категорично. Например, в недавней статье А.Т. Тагирджановой, фактически перекладающей исходный текст М.А. Усманаова, утверждается следующее: «Марджани ввел молодого человека [имеется в виду Х. Фаизханов – Д.М.] в круг знакомых востоковедов, преподавателей Казанского университета» (Тагирджанова, 2018, 64). Нам уже приходилось опровергать подобный взгляд (Мухетдинов, 2023f).

На самом деле разрыв в возрасте Ш. Марджани и Х. Фаизханова был не столь большим (ранее отмечавшаяся дата рождения Х. Фаизханова – 1828 г. – теперь должна быть отклонена, о чем подробно см.: Мухетдинов, 2023с). Совершенно не может быть принята гипотеза (ставшая, к сожалению, почти устоявшимся фактом) и о роли Ш. Марджани в знакомстве Х. Фаизханова с казанскими светскими учеными. Ризаэтдин Фахретдин (1859–1936), ученик Ш. Марджани и первый автор, целенаправленно занявшийся изучением жизни и деятельности Х. Фаизханова (Мухетдинов, 2024), не говорит ничего близкого к этому. Ш. Марджани в 1849 г. вернулся в Казань после одиннадцатилетнего обучения в Средней Азии. Х. Фаизханов поступил на обучение к Ш. Марджани только в 1850 г., после того как в 1849 г. скончался другой его учитель Баймурад б. Мухаррам ал-Менгари (1786–1849), хотя теоретически Х. Фаизханов и Ш. Марджани могли познакомиться прежде, но в любом случае не ранее осени 1849 г. (Мухетдинов, 2023d: 32–33). М.А. Усманов устанавливает время знакомства Х. Фаизханова и А. К. Казембека косвенно, «как минимум с 1848 г., т.е. до отъезда Казем-бека в Петербург, где он стал заведовать кафедрой с 1849 г.» (Усманов, 1980, 27). Иными

словами, даже формальная хронология полностью противоречит гипотезе М.А. Усманова.

В то же время М.А. Усманов писал, что «до сих пор мы толком не знаем о взаимоотношениях Х. Фаизханова с российскими ориенталистами в казанском периоде его жизни» (Усманов, 1980, 26). К сожалению, по большей части это утверждение остается актуальным и сегодня. Некоторые косвенные сведения позволяют скорректировать такую пессимистическую картину.

Известно, что А.К. Казембек, на тот момент занимавший в Казанском Императорского университета должности декана 1-го отделения Философского факультета и заведующего кафедрой арабской и персидской словесности Восточного разряда (Разряда восточной словесности), покинул Казань после того, как 26 августа 1849 г. откликнулся на вакансию ординарного профессора по кафедре персидской словесности Петербургского университета, где в дальнейшем после учреждения императорским указом 1854 г. в его составе Факультета восточных языков, официально открытого в 1855 г., стал его первым деканом. В дальнейшем именно А.К. Казембек способствовал переводу в Санкт-Петербург своих бывших коллег из Казани, где в связи с реорганизацией восточноведческого образования Разряд восточной словесности Казанского университета, где он ранее работал, был закрыт.

Предложенная М.А. Усмановым датировка знакомства Х. Фаизханова и А.К. Казембека «как минимум с 1848 г.» (Усманов, 1980, 27) косвенно вытекает из письма попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения А.С. Норову от 2 ноября 1855 г., согласно которому «декан Восточного факультета, действительный статский советник Казембек свидетельствует, что он знает Фейз-Ханова в течение семи лет...» (РГАДА, фонд 733, опись 26, дело 130, л. 499). На тот момент Х. Фаизханов находился в Санкт-Петербурге и его кандидатура рассматривалась среди прочих на занятие должности преподавателя арабского языка на Факультете восточных языков, где его хотел видеть А.К. Казембек (Усманов, 1980: 31). Иными словами, 1848 г. может считаться условным *terminus ante quem* для установления времени знакомства двух деятелей, тогда как если А.К. Казембек уехал в Санкт-Петербург осенью 1849 г., следовало бы думать, что их непосредственные контакты в Казани длились, может быть, чуть более года.

Р. Фахретдин, ссылаясь на информацию, полученную им устно, упоминает о том, что Х. Фаизханов привлекался казанскими востоковедами для работы в качестве كاتبك, то есть секретаря или переписчика (оба толкования допустимы, но по контексту нельзя склониться к точной и категоричной трактовке), а некоторые его работы (اثرلری) выходили под их именами (Фэхреддин, 1908, 435). По-видимому, речь идет о том же случае, о котором несколько позднее сообщает Шахар Шараф. Он говорит, что еще в Казани А.К. Казембек привлек Х. Фаизханова к составлению указателя к Корану («Мифтāх кунūз ал-Қур'āн», букв. 'Ключ к сокровищам Корана'), который позже был издан самим А.К. Казембеком в Санкт-Петербурге в 1859 г. под названием «Полный конкорданс Корана или ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги») (Шәрәф, 1915, 113–114). Важно отметить, что при изучении работы А.К. Казембека, можно убедиться, что там нигде не упоминается о каком-либо содействии Х. Фаизханова в ее подготовке.

Больше мы не знаем ничего – ни точного времени, ни обстоятельств знакомства Х. Фаизханова с А.К. Казембеком, ни других подробностей их общения, которое, судя по цитированной выше записке М.Н. Мусина-Пушкина, было достаточно близким. М.А. Усманов на этот счет писал: «Можно надеяться, что новые документы, которые обнаружатся в будущем, внесут большую ясность в это дело» (Усманов, 1980, 27). К сожалению, прямых свидетельств так и не появилось, но поднятые в последнее время документы вносят некоторую детализацию в хронологию жизни Х. Фаизханова, позволяя изменить интерпретацию некоторых ранее известных фактов.

Переезд Х. Фаизханова в Санкт-Петербург

Через некоторое время Х. Фаизханов оказывается в Санкт-Петербурге. М.А. Усманов, как отмечалось выше, видевший в этом решении влияние Ш. Марджани, указывал на «еще один фактор, ускоривший переезд Х. Фаизханова в Петербург» (Усманов, 1980, 30). По его мнению, это было открытие Факультета восточных языков. Кроме того, М.А. Усманов лишь гипотетически допускал, что Х. Фаизханов получил «приглашение Казем-Бека», желавшего видеть его среди работников Факультета (Усманов,

1980, 31). В другом месте своей работы М.А. Усманов справедливо заметил: «Наравне с востоковедами университета он сразу по приезду в столицу вошел в контакт с ориенталистами из Академии наук и стал активно сотрудничать с ними» (Усманов, 1980, 49). Это верное в своей сути утверждение встречает некоторые противоречия с его же предыдущими суждениями, сводящимися к тому, что переезд Х. Фаизханова в Санкт-Петербург был прежде всего мотивирован стремлением устроиться на работу на Факультет восточных языков, планируемый к открытию. Основная проблема упирается здесь опять же в вопросы хронологии.

Как отмечал сам М.А. Усманов, «правда, пока неизвестна точная дата переезда Фаизханова в Петербург. Р. Фахрутдинов пишет приблизительно: “около 1853 г.”; неопределенно и в рукописи Ш. Марджани. Но факт пребывания Хусаина в Петербурге во второй половине 1854 г. подтверждается полностью» (Усманов, 1980, 31). В итоге М.А. Усманов на основе косвенных сведений и логических рассуждений приходит в следующем решении: «вполне допустимо, что Фаизханов в Петербург приехал в конце 1853 или в самом начале 1854 г.» (Усманов, 1980, 31). В настоящее время эта гипотеза может быть подтверждена, но с интерпретацией, отличной от той, что предложил М.А. Усманов, и имеющей меньше противоречий.

Известно, что Х. Фаизханов в Санкт-Петербурге выполнял поручения от Императорской Академии наук в лице директора Азиатского музея акад. Б.А. Дорна (1805–1881), занимаясь переписыванием рукописей на восточных языках уже с 1854 г. (Усманов, 1980, 31, 49). Между прочим, любопытно, что одним из первых таких заданий было переписывание поздней копии (1257 г. х. / 1841 г. н. э.) сочинения, известного под названиями «Ал-тārīх фй ислām Дāгистāн» («История ислама в Дагестане») или «Тārīх-и Дāгистāн» («История Дагестана»), созданного Мухаммадом Рафй' аш-Ширвāнй (Rosen, 1881: 144 (№ 193); Михайлова, 1965: 143 (№ 98); *Арабские рукописи Института Востоковедения*, 1986, 432 (№ 9424), жившего, как теперь установлено, не в начале XIV в., а в конце XVI – первой половине XVII вв. (Türkmen, Abdulaev, 2023: 26–28, 32–33). Первый известный список этого сочинения был издан именно А.К. Казембеком в качестве приложения тюркскому списку «Дербенд нāме» («История Дербента»), с пере-

водом и комментариями на английском языке (*Derbend-Nâmeḥ or The History of Derbend*, 1851).

Именно 1854-м годом датируется ряд рукописей, переписанных рукою Х. Фаизханова, а самая ранняя из них – уже февралем этого года. Речь идет о хранящемся в фонде персидских рукописей Института восточных рукописей под сиглой D 95 (577ас) списка сочинения первой половины XVII в. «Тārīḫ-и Ġilān» ‘Абд ал-Фаттāḫа Фўманӣ, в каталожном описании которого значится: «Копия с рукописи сочинения, посланной Н.В. Ханыковым Б. Дорну в 1849 г. или в 1850 г. По этой рукописи Б. Дорн, как известно, издал само сочинение. Копия была выполнена Файзхановым (Мулла Хусайн) в Петербурге в 1851 г. (см. пометку на последнем листе настоящей копии)» (Миклухо-Маклай, 1975, 254–255 (№ 375)). Наше собственное ознакомление с копией позволило уточнить, что дата, содержащаяся в автографе Х. Фаизханова следующая: «21 февраля 1854 г.» (Мухетдинов, 2023f, 32–33 (примеч. 4)).

Однако наиболее ранней среди всех выявленных на сегодняшний день рукописей, переписанных рукой Х. Фаизханова, является список «Дивāна» Навā’ӣ, хранящийся сегодня в архиве Института восточных рукописей РАН под сиглой С 788 (Уч. отд. II.3.39) (Волин, 1946, 224 (№ 27); Дмитриева, 1965, 71; Дмитриева, 1980, 52 (№ 163); Дмитриева, 2002, 284–285 (№ 1102)); на последней странице этой рукописи карандашом написано: “Copié à St.-Pétersbourg en 1853 par le Mollah Houssein mort à Kazan en 1866”, о чем сообщает уже Д.В. Смирнов (Smirnov, 1897: 173–174 (№ 87)). Сам этот список является копией с рукописи, происходящей из коллекции К.П. Кауфмана (1818–1882) в Российской национальной библиотеке (РНБ) и числящейся в каталоге Б.А. Дорна под шифром 558 (Dorn, 1852: 501–502 (№ DLVIII)). Эта надпись позволяет считать, что Р. Фахретдин был в целом прав, хотя он и с некоторой неуверенностью писал, что переезд Х. Фаизханова в Санкт-Петербург, произошел в 1853 г. (Фәхрәддин, 1908: 435).

Как сейчас видно, Х. Фаизханов действительно сразу же начал сотрудничество с Императорской академией наук, в том числе продав ей привезенные с собой коллекцию рукописей и книг (каталог в настоящее время готовится нами к печати). Но мотивировало его, вопреки М.А. Усманову, не ожидавшееся открытие Факультета восточных языков, касательно которого к тому времени не существовало еще даже императорского указа. Безусловно,

теоретически, Х. Фаизханов мог знать об этом грядущем событии, при этом вряд ли от кого-то иного, чем от А.К. Казембека.

Важнее другое – если переезд Х. Фаизханова из Казани в Санкт-Петербург не был непосредственно связан с открытием Факультета и если он сразу же начинает сотрудничество с Императорской Академией наук, то логично считать, что именно на это сотрудничество он и был настроен. В конце концов, даже если он знал о грядущем открытии Факультета, то он не мог иметь никаких гарантий (что, собственно, потом показали и обстоятельства – процесс устройства Х. Фаизханова на работу на Факультете растянулся почти на десять лет), тогда как с Академией наук он последовательно работал вплоть до последних дней своей жизни (Мухетдинов, 2023d: 34–39). Скорее всего, именно А.К. Казембек был тем человеком, который, однажды высоко оценив его способности, когда познакомился с ним еще в Казани, впоследствии склонял его к переезду в Санкт-Петербург, где и свел его с Б.А. Дорном, тем самым позволив Императорской Академии наук приобрести ценного работника.

Если, как мы видели выше, А.К. Казембек мог лично общаться с Х. Фаизхановым в течение чуть более года, в итоге этого срока оказалось достаточно, чтобы, согласно той же записке М.Н. Мусина-Пушкина, спустя семь лет А.К. Казембек мог характеризовать Х. Фаизханова «как ученого ориенталиста, который для факультета восточных языков может быть весьма полезен» (РГАДА, фонд 733, опись 26, дело 130, л. 499). Можно лишь предположить, что общение между двумя деятелями не прекращалось и после переезда А.К. Казембека в Санкт-Петербург осенью 1849 г. и, может быть, следует надеяться на обнаружение каких-нибудь писем, доказывавших бы, что они поддерживали контакты друг с другом в течение этого длительного времени, пока снова не смогли лично встретиться в Санкт-Петербурге.

Заключение

Рассмотренный материал, с привлечением новых источников, позволяет детализировать некоторые обстоятельства жизни Хусаина Фаизханова. М.А. Усманов, автор первой научной биографии Х. Фаизханова, был в целом прав, когда отмечал последовательное стремление А.К. Казембека внедрить Х. Фаизханова в научную и преподавательскую деятельность. Однако в настоящее

время совершенно нельзя согласиться с тем, что своему знакомству с А.К. Казембеком Х. Фаизханов был обязан посредничеству Ш. Марджани. Мы не располагаем прямыми данными об обстоятельствах и времени этого знакомства, однако, сама хронология событий делает такое предположение невозможным. Знакомство Х. Фаизханова и А.К. Казембека произошло еще до того, как Х. Фаизханов имел возможность тесно контактировать с Ш. Марджани. По-видимому, именно А.К. Казембек, а не Ш. Марджани повлиял в итоге и на решение Х. Фаизханова двинуться из Казани в Санкт-Петербург, где он быстро был привлечен к выполнению ответственной работы, соответствовавшей его компетенциям, со стороны Императорской Академии наук. Лишь вторичное значение на этом фоне играло устройство Х. Фаизханова на Факультет восточных языков Санкт-Петербургского императорского университета, где А.К. Казембек был тогда деканом. Стоит отметить, что отношения между Х. Фаизхановым и А.К. Казембеком были более чем близкие. В последующем после смерти Х. Фаизханова в 1866 г. именно А.К. Казембек взял на себя оплату обучения его старшей дочери и материальную заботу о его вдове и других домочадцах. Интересно также то, что уже после смерти самого А.К. Казембека его сын от второго брака (гражданского) на некоторое время был взят на попечение Абд ал-Аллямом Фаизхановым, сводным братом Хусаина (Тагирджанова, 2018: 67–68).

Нет сомнений, что А.К. Казембек оказал большое влияние на Х. Фаизханова и, по сути, самым непосредственным образом способствовал тому, что его таланты и способности оказались направлены в нужное русло. Иначе говоря, А.К. Казембек не столько впустил «муллу Хусейна» в востоковедческую науку, сколько открыл для востоковедческой науки «муллу Хусейна». После смерти Х. Фаизханова, настигшей его в самом расцвете творческих сил и на пороге перспектив, А.К. Казембек с прискорбием отмечал: «из общения с профессорами факультета и ориенталистами-востоковедами он усвоил себе научные приемы и сделался вследствие того, можно сказать, единственным между двумя миллионами наших татар ученым-исследователем» (Хөсәен Фәезханов: *тарихи-документаль җыентык*, 2006: 493). В самом деле людей с такой удивительной судьбой в российском востоковедении больше никогда не было.

Литература

Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог (1986) / под ред. А. Б. Халидова. Москва: Наука. Ч. 1. (528 с.).

Волин С.Л. (1946). *Описание рукописей произведений Навои в ленинградских собраниях* // Алишер Навои: сб. ст. / под ред. А.К. Боровкова. Москва; Ленинград: АН СССР. (с. 203–235).

Дмитриева Л.В. (1965). *Рукописи диванов тюркских поэтов в собрании Института народов Азии АН СССР* // Краткие сообщения Института народов Азии. № 69. Исследование рукописей и ксилографов Института народов Азии. Москва: Наука. (с. 60–76).

Дмитриева Л.В. (1980). *Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Т. III. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика*. Москва: Наука. (264 с.)

Дмитриева Л.В. (2002). *Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук*. Москва: Восточная литература. (616 с.).

Миклухо-Маклай Н.Д. (1975). *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. Исторические сочинения*. Москва: Наука. (443, [7] с.).

Михайлова А.И. (1965). *Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. Вып. 3. История*. М.: Наука (200 с.)

Мухетдинов Д.В. (2014). *Хусаин Фаизхан – классик татарского просвещения, истории и педагогики*. Москва; Н. Новгород: ИД «Медина». (340 с.)

Мухетдинов Д.В. (2023a). Историческое наследие Хусаина Фаизханова // *Ислам в современном мире*, Т. 19(2), (с. 27–46).

Мухетдинов Д.В. (2023b). Теологическая легитимация педагогического проекта Хусаина Фаизханова // *Ислам в современном мире*, Т. 19(3), (с. 27–52).

Мухетдинов Д.В. (2023c). Три сабачайских надмогильных памятника // *Археология Евразийских степей*, № 6, (с. 378–388).

Мухетдинов Д.В. (2023d). Хусаин Фаизханов в истории российского востоковедения // *Ислам в современном мире*, Т. 19(4), (с. 27–50).

Мухетдинов Д.В. (2023e). Хусаин Фаизханов и развитие исторической лингвистики // *Филология и культура*, № 3, (с. 44–53).

Мухетдинов Д.В. (2023f). Фаизханов и его взаимоотношения с А.К. Казембеком и Ш. Марджани: опыт переосмысления // *Ислам в современном мире*, Т. 19 (1), (с. 27–46).

Мухетдинов Д.В. (2024). *Ризазтдин Фахретдин (1859–1936) как основоположник фаизхановедения* // *Ислам в современном мире*, Т. 20(1), (с. 27–40).

Рзаев А.К. (1989). *Мухаммед Али М. Казем-Бек*. Москва: Наука. (199 с.)

Российский государственный исторический архив. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 26. Д. 130 (Дело об учреждении при университете факультета восточных языков и об укомплектовании его профессорами, преподавателями и студентами. 9 февраля 1854 г. – 8 августа 1858 г.).

Тагирджанова А.Т. (2018). *Мирза Александр Казем-Бек и Хусаин Фаизханов – научная деятельность и личные контакты: из истории факультета восточных языков и мусульманской общины Санкт-Петербурга (по материалам Центрального государственного исторического Архива СПб)* // *Россия и Палестина: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов)* / отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: Изд-во Библиотеки Академии наук. (с. 61–70).

Усманов М.А. (1980). *Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности*. Казань: Татар. кн. изд-во. (223 с.)

Фәхреддин Р. (1908). *Асар*. 2 джилд. Оренбург: Товарищество «Каримов, Хусаинов и Ко». (502 бит.)

Хәсәен Фәезханов: *тарихи-документаль җыентык* (2006) / [төзүче автор: Р. Мәрданов]. Казан: Жыен. (704 бит.).

Шәһәр Ш. (1915). *Мәрҗанинең тәрҗемәи хәле* // «Мәрҗани» җыентыгы. Казан: Мәгариф. (б. 2–193).

Derbend-Nâme or The History of Derbend (1851) / transl. from a select Turkish version and published with the texts and with notes, illustrative of The History, geography, antiquities & c. &c. occurring throughout the work, by Mirza A. Kazem-Beg. St. Petersburg: Imperial academy of sciences. (XXXIII, 245 p.).

[Dorn B.A.] (1852). *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétersbourg*. St.-Pétersbourg: Impr. de l'Acad. Imp. des Sciences. (XLIV, 719 p.)

Rosen V. (1881). *Notices sommaires des Manuscrits arabes du Musée asiatique*. Première livraison. Saint-Pétersbourg: Eggers [u. a.]. (256 p.)

Smirnov D.W. (1897). *Manuscrits turcs de l'Institut des langues orientales : avec 5 planches*. Saint-Pétersbourg: L'Académie Impériale des Sciences; Eggers. (216 p., [5] Pl.).

Türkmen E., Abdullayev K. (2023). *Bir Muhacirlik Öyküsü ve İlimlerin Sınıflandırılması. Nureddin Şirvâni ve Merâtibu'l-Ulûm Risalesi Tahkik, Tahlil, Tercüme*. Ankara: İlâhiyât Yayınları. (208 s.).